

«Страна стала другой, люди стали другими...»: *Беседа В. Амурского с А. Урмановым о наследии А.И. Солженицына* // Вестник русского христианского движения: Журнал. – Париж – Нью-Йорк – Москва, 2017. – № 208. – С. 265–286.

«Страна стала другой, люди стали другими...»

Беседа парижского журналиста Виталия Амурского с А.В. Урмановым, доктором филологических наук, профессором, заведующий кафедрой литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

– Александр Васильевич, хотя круг ваших научных и творческих интересов, касающихся русской литературы XX века достаточно широк, учитывая, что нередко вас называют самым авторитетным специалистом по творчеству Солженицына, я хотел бы первым делом спросить: как получилось, что своё особое внимание вы обратили именно на этого писателя? Имелись ли для этого какие-либо личные предпосылки, или оно привлекло вас масштабом поднятых им тем, а также неординарностью его личности?

– Начну с того, Виталий Ильич, что Солженицын всегда вызывал у меня большой интерес и безграничное уважение – и как писатель, и как человек, посвятивший свою жизнь служению России. Это едва ли не единственный из русских прозаиков последних десятилетий, кто воспринимается мною не только как грандиозный художник слова, но и как безусловный моральный авторитет. Меня привлекало в нём то, что он никогда не подчинял своё творчество требованиям литературной моды, издательской или политической конъюнктуры. Что все его заботы и мысли, все его высказывания и поступки, все его художественные замыслы и публицистические выступления связаны с исторической судьбой России, с судьбой многострадального русского народа. Мне близки его ключевые идеи: «обустройство России», «сбережение народа», «раскаяние и самоограничение», «жить не по лжи»... Именем Солженицына нередко пользуются как дубинкой для борьбы с идейными оппонентами и тем самым усугубляют национальное противостояние, разжигают социальную, политическую, конфессиональную рознь. Я же его идеи, его творческое наследие воспринимаю как начало объединяющее, интегрирующее. И считаю, что своими книгами он соединял обрубленные связи между прошлым и настоящим, между великой русской классикой и современным искусством, восстанавливал в правах традиции тысячелетней христианской культуры, вечные этические и эстетические ценности. Всегда восхищало меня и то, как бесстрашно он обращался к самым острым проблемам современности, к запретным темам: воссоздал историю чудовищных преступлений тоталитарного режима против собственного народа, рассказал о деградации колхозной деревни, о развращающем воздействии атеизма на духовное здоровье нации, о революционном Красном Колесе, жестоко прокатившемся по русской цивилизации, о последствиях разрушительных реформ 1990-х годов, о непростой совместной судьбе русских и евреев...

Что же касается упомянутых вами «личных предпосылок», той искры, из которой всё возгорелось, того изначального толчка, с которого и началось моё

погружение в поэтику Солженицына, в тайны его художественного «ремесла», то это произошло в июне 1994 года, о чём я однажды уже рассказывал.

Александр Исаевич после двадцати лет изгнания возвращался тогда из Кавендиша в Россию. Маршрут, который он избрал, был весьма протяжённым и долгим: по железной дороге, с остановками, через всю страну – от Владивостока до Москвы. На амурской станции Белогорск он вдруг решил свернуть с Транссиба и по тупиковой железнодорожной ветке добрался до Благовещенска, где провёл два дня. Я был среди тех, кто ранним утром 9 июня пришёл провожать его на железнодорожный вокзал. Выйдя незадолго до отправления из вагона, Солженицын стал подписывать книги. И вдруг один из провожающих, очевидно, какой-то местный диссидент, стал громко кричать, что Александр Исаевич даёт автографы сотрудникам КГБ – тем, кто его, «демократа», когда-то преследовал. От греха подальше «разоблачителя» подхватили под руки и быстро-быстро повели прочь. И тут произошло то, что меня поразило и что, очевидно, предопределило мой главный исследовательский интерес. Не берусь утверждать, что дословно передаю сказанное Солженицыным много лет назад, но за общий смысл ручаюсь. По крайней мере, я именно так тогда всё услышал и понял. Так вот, писатель решительно остановил стражей порядка, подозвал крикуна и сказал ему (и, наверное, всем присутствующим), что в XX веке Россия и без того уже потеряла многие миллионы людей, что мы больше не имеем права на непримиримость, на ожесточение. Если эти люди пришли сюда, говорил Александр Исаевич, значит, возможно, они внутренне изменились. «Мы не должны их отталкивать, не должны лишать права на раскаяние», – примерно так сформулировал он свою заключительную мысль. Повторю: меня сказанное автором «Архипелага ГУЛАГ» просто поразило, ибо не соответствовало образу, который был сформирован тогдашней прессой и критикой – непримиримого врага КГБ. В этот момент мне и захотелось глубже понять взгляды писателя, постичь подлинный смысл его творчества. Кто знает, если бы не этот случай, не это невероятное стечение обстоятельств – возможно, не было бы моих статей и книг о Солженицыне.

– Солженицын – автор «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёнина двора», «Случая на станции Кочетовка», «Ракового корпуса», «В круге первом» и некоторых других произведений, где в центре внимания был человек, являющийся жертвой тоталитарной системы, совершенно логично пришёл к созданию великого труда «Архипелаг ГУЛАГ», получил заслуженное признание на родине и в мире. Его многотомная эпопея «Красное Колесо» – явление иного порядка, где понимание и толкование русской истории XX века не нашло такого же положительного отклика, как по лагерной теме. Труд же «Двести лет вместе» вообще оттолкнул от себя многих, в том числе тех, кто читал «раннего» Солженицына и у кого остались стоять на полках библиотек тома «Архипелага ГУЛАГ». На ваш взгляд, таким «расчленённым» писателем и мыслителем Александр Исаевич теперь останется в сознании и понимании своих читателей, или это только вопрос времени, и в будущем всё «срастётся»?

– Знаете, Виталий Ильич, здесь не могу с вами согласиться: в первой части вопроса вы, как мне кажется, несколько сузили смысл творчества Солженицына, сведя его к сугубо социально-политической плоскости – к противостоянию человека и тоталитарной системы. Даже те произведения, которые вы перечислили, содержательно более многоплановы. К сожалению, формат беседы не позволяет подробней остановиться на этом, поэтому ограничусь тем, что порекомендую свою книгу

«Художественное мироздание Александра Солженицына», которая вышла в издательстве «Русский путь» в 2014 году.

Не разделяю и весьма распространённого мнения о «расчленённости» Солженицына, об идейно-смысловой и эстетической рассогласованности разных периодов его творчества и разных произведений: «Красное Колесо» – это не «явление другого порядка» и не уход в сторону от магистральной творческой линии, от «Архипелага...». По Солженицыну, ГУЛАГ – прямое следствие того, что произошло в 1917-м, что художественно-документально и воссоздано в «Красном Колесе». Эпопея была задумана в юности и с этим замыслом, ничуть не противоречащим всему остальному, Солженицын не расставался в течение всей жизни. Можно даже сказать, что и «Архипелаг...» вёл его к главной и самой любимой книге. В «Дневнике Р-17» он ведь признавался: «Этот Роман... всегда был величайшей любовью моей жизни. Ничего на свете я не любил до такого обмирания сердца». Если это произведение, вобравшее всё самое важное, что хотел донести до своих читателей Александр Исаевич, не вызывает положительного отклика, воспринимается как чужеродное в контексте его творчества, то у меня возникает следующее предположение: либо речь идёт об идейном оппоненте писателя, либо о том, кто не особенно утруждал себя чтением книги. Разумеется, это моё личное мнение. Впервые в полном объёме я прочитал «Красное Колесо» лет двадцать назад, и с тех оно буквально не отпускает меня. Это одна из немногих книг XX столетия, глубина которой с годами не перестаёт потрясать, книга, которую хочется перечитывать и над страницами которой хочется размышлять. Я знаю немало людей, которые разделяют моё мнение. Нынешний год, год столетия двух революций – Февральской и Октябрьской – показал, что «Красное Колесо», кто бы что ни утверждал на этот счёт, весьма востребовано обществом. Идеи автора эпопеи, оценки, которые были высказаны в этом произведении, звучат, тиражируются ежедневно. А то, что не всегда указывается первоисточник – ничего страшного: это говорит о том, что многие идеи автора «Красного Колеса» стали общепризнанными, аксиоматичными.

– Однако, как всё-таки рассматривать «Двести лет вместе»? «Случайных» или «сырых» работ Солженицын ведь не публиковал никогда...

– Для тех, кто прежде прочитал «Красное Колесо», книга «Двести лет вместе» не стала большой неожиданностью, каким-то откровением. Тем более шоком. Те проблемы, которые с присущей Солженицыну основательностью и скрупулёзностью рассматриваются в последней, многократно, на протяжении всего десятитомного «повествования в отмеренных сроках», в разных сюжетных ситуациях – и бытовых, и исторических, затрагиваются, обсуждаются, комментируются – и героями эпопеи, и повествователем. У меня при чтении «Двести лет...» постоянно возникало ощущение, что в этой книге Солженицын договорил, полнее развернул то, что не смог вместить, впрессовать в структуру «Красного Колеса». То, без чего, по его мнению, невозможно в полноте понять логику русской истории, логику революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны.

Наверное, кого-то эта книга и «оттолкнула» – предполагаю, однако, что в основном тех, кого и раньше с Солженицыным сближало разве что отношение к Сталину, сталинизму, коммунистической идеологии, но никак не отношение к Февралю 1917-го и ко многому другому, что за ним последовало. Если разочаровавшихся и было «много», то только в этой, не такой уж и многочисленной, части общественного спектра.

– Приходилось ли вам во время работы над солженицынскими текстами обращаться к нему самому? Получали ли вы от него ответы на интересующие вас вопросы? Зная, что вы встречались с ним, хотелось бы узнать – что больше всего при этом запомнилось?

– Да, конечно, получал: и ответы на вопросы, и отклики на свои статьи и книги. И даже на мои просьбы. Так, ещё в 1998 году я задумал книгу-комментарий к рассказу «Матрёнин двор» – произведению, которое очень люблю. В 99-м книга в общих контурах сложилась. Рукопись я принёс во «Владос» (просто потому, что издательство находилось рядом с докторантским общежитием МПГУ). Там одобрили, сказали, что напечатают, но только если я получу у автора рассказа разрешение на безгонорарную публикацию в составе пособия-комментария текста его произведения. Я обратился к Александру Исаевичу, не особенно рассчитывая на положительный ответ, однако вскоре получил от него письменное согласие. Этот поступок писателя в моём понимании – яркое свидетельство того, насколько важны были для него статьи, книги, помогающие школьникам, студентам лучше понять смысл его произведений. Кстати, я являюсь автором глав о Солженицыне в трёх вузовских учебниках, чем очень горжусь. А тот комментарий во «Владосе» тогда так и не вышел. Поначалу я было огорчился, а позже очень порадовался этому обстоятельству – так как книжка была ещё сырой (с позиций дня сегодняшнего). Но идея меня не отпускала, и более пятнадцати лет (с перерывами, разумеется) я дорабатывал книгу. Надеюсь, в ближайшее время она выйдет в одном из московских издательств.

Если говорить о немногочисленных письмах Александра Исаевича, которые я бережно храню, то, конечно, каждое из них для меня бесценно. И не только потому, что там он одобрительно высказывается о моих работах. В них россыпи очень важных для исследователя оценочных суждений. Так, например, в большом письме – отклике на вышедший под моей редакцией сборник статей о рассказе «Матрёнин двор», Александр Исаевич, выразив негативное отношение к попыткам отдельных исследователей представить автора произведения исключительно «субъектом гуманистического сознания», очень резонно напомнил о том, в какое время и в каких условиях создавалось и было напечатано произведение: «Некоторые авторы в своём анализе странно упускают (забывают?) обстоятельства публикации “Матрёнина двора” и, главное – читателя 60-х годов. Кто бы и как мог тогда публиковать ещё одни “Живые мощи” и умиляться православием? Для писателя XX столетия вера могла быть так же органична, как и для писателя XIX, – но не поддавалась прямому тексту, она могла только просвечивать». Ценнейшее высказывание, особенно для того, кто пишет о Солженицыне.

Ещё более важны были для меня оценки автора, обращённые к моим работам. Так, в письме-отклике на мою монографию 2001 года, он обратил внимание на одну из важнейших особенностей исследования – нацеленность на выявление взаимосвязи между поэтикой и авторским мировоззрением: «Вы правильно видите связь каждой частной художественной задачи – с общим мировидением, с онтологической основой». Чрезвычайно интересны в этом письме и высказывания о языке: «Язык. Да, для меня язык и слово – даже ещё больше, чем Вы это отмечаете и разрабатываете. Язык у меня принимает на себя иногда функции даже других изобразительных средств...» И предостережения писателя, обращённые ко мне, тоже, конечно, не остались без внимания. Например, такое: «Пользуюсь случаем остеречь Вас: бойтесь впасть (Вы ещё не впали!) в эту заблудную манеру современного литературоведения, часто только затемняющую смысл, – много псевдонаучности и мало сердечного внимания. Да ещё каким языком пишется! – это о художественной ткани! – деревянным, даже

нечеловеческим, утомительнейшей надуманной терминологией, ломающей лоб читателя. Почему прежде – критики не писали так? Такую манеру вижу особенно у двух Ваших авторов...» Спустя два года Александр Исаевич вернулся к этой теме: «Кстати о Вашем собственном языке: он намного очищен по сравнению с принятым литературоведческим жаргоном – но хотелось бы: ещё чище, русей». Думаю, такие вещи в свой адрес от Нобелевского лауреата было бы полезно услышать многим современным исследователям русской литературы.

– После многолетнего пребывания в эмиграции, Александр Исаевич вернулся на родину со стороны Дальнего Востока, о чём вы уже напомнили. В 2015 году во Владивостоке, на Корабельной набережной, ему поставили памятник. Ваше впечатление о работе скульптора Петра Сергеевича Чегодаева?

– Не так давно, в первой половине октября, я был во Владивостоке – участвовал в международном форуме «Русский язык, литература и культура в пространстве АТР». И, конечно, воспользовался возможностью, что называется воочию, увидеть этот памятник. Он произвёл на меня очень сильное впечатление – в первую очередь, полным отсутствием монументальности, памятникности. По-моему, это абсолютно верное, максимально точно соответствующее облику, поведению, судьбе, содержанию творчества Солженицына решение – не возносить его «выше Александрийского столпа», не отгораживать мёртвым пространством, какими-то антивандальными заграждениями, парапетами, высоким пьедесталом и т.п. барьерами. Так, как это принято в последнее время при установке памятников державным властителям – князю Владимиру в Москве, Иоанну Грозному в Орле. Что называется, в сиянии славы... Смотришь, и возникает ощущение, что власть ставит памятники не столько реальным историческим личностям – по их подлинным заслугам (а их злодейства почему-то вообще вынесены за скобки), сколько самой себе: отсюда, видимо, эта помпезность, это величие, мощь, размах, эта вознесённость над миром дольным... Величие есть, сияния славы хоть отбавляй, а вот того, что пробудило бы живую человеческую эмоцию, что очеловечило бы «бронзы многопудье», всю эту великолепную и дорогостоящую «мраморную слизь», – нет. Видимо, не было предусмотрено заказом. Величественный, но не одухотворённый металл, холодный, мёртвый гранит... Отсутствие человеческого тепла. И движения. А памятник Солженицыну – живой, одухотворённый, динамичный. Не отгороженный и не вознесённый. Может, потому так непосредственно и реагируют на него не только нормальные люди, поклоняясь писателю, но и разного рода «беси».

– Известно, что бронзового Солженицына несколько раз пытались осквернить неизвестные люди. В печати мелькнули слова о «памятнике раздора»...

– Да, чего-чего, а провокаторов, осквернителей, вандалов у нас в избытке... Мне сейчас вспомнился ещё один схожий случай: год назад участники какой-то левацкой молодёжной группировки в Москве, у входа в Музей истории ГУЛАГа, повесили манекен с портретом Александра Исаевича, а под ним – приговор: «Он Родины своей – первейший враг!». И у меня возникает вопрос: неужели и здесь виноват Солженицын: сеет раздор, раскалывает общество, пробуждает низменные инстинкты?.. Нет, он не порождает, а скорее проявляет эти болезни, помогает яснее увидеть их. Во всех этих случаях, в Москве и во Владивостоке, проявились духовно-нравственные и умственные изъяны современного российского общества. Патологии, которые прежде скрытно, а в последнее время более явственно и даже демонстративно возвращаются, поощряются и провоцируются не только «вождями» откровенно мракобесных,

ностальгирующих по ГУЛАГу и тоталитаризму политических сект, но и определённым слоем «просвещённой» публики, теми, кто причисляет себя к «культурной элите», кто считает себя наследниками великой русской культуры (ну как тут не вспомнить телекартинку, на которой – торжествующие, сияющие от счастья «властители дум», присутствующие на открытии в Орле памятника державному душегубу). Ответственность за эти и подобные акции, позорящие Россию, выставляющие нас наследниками не порядочных людей, не безвинных жертв, а палачей и убийц, как мне представляется, должны взять на себя и некоторые «мастера культуры», уважаемые редакторы известных печатных изданий, чутко следящие за меняющейся конъюнктурой – видимо, в надежде раньше других заслужить «высочайшее» одобрение за выполнение с нетерпением ожидаемого ими «социального заказа». Заказа на культивирование «красивых» легенд и мифов о советской эпохе, о «мудром вожде». Для таких, конечно, автор «Архипелага...» – сильнейший раздражитель, кость в горле...

Бесы, бросившие всем нам циничный и наглый вызов, явно рассчитывали на похвалу со стороны своих идейных вдохновителей и покровителей. Или, по крайней мере, уверены были, что за омерзительное, нацистское по духу кощунство никто их не накажет. Да даже не попеняет. Так и вышло... В информационном потоке эта новость проскочила, не задержавшись. Ни один высокий государственный деятель не высказался на этот счёт, не выразил своего возмущения. Государство же, на мой взгляд, не должно оставаться безучастным к подобным демонстративным выходкам, оно обязано защитить от публичного поругания память великого русского писателя и миллионов мучеников ГУЛАГа. Обязано реагировать на такие вещи, обязано посылать обществу внятный сигнал: нельзя, недопустимо! К сожалению, это делается не всегда, что, наверное, воспринимается осквернителями как поощрение. Убеждён: власть не должна из каких-то только ей ведомых хитроумных расчётов, возможно, желая как-то ущемить своих идейных оппонентов из либерального лагеря, делать это руками разного рода мракобесов и негодяев.

И ещё – люди, олицетворяющие собой государство, по долгу службы отвечающие не только за его экономическое благополучие и безопасность, но и, прежде того, за интеллектуальное состояние, моральное и духовное здоровье общества, должны задуматься о тех негативных процессах в СМИ, в сфере образования и культуры, которые порождают среди подрастающего поколения подобную дикость.

– Насколько я помню, одним из условий для возвращения на родину Александр Исаевич поставил российским властям – публикацию массовым тиражом «Архипелага ГУЛАГ». Все четыре тома, которые на языке оригинала за границей впервые вышли в парижском издательстве YMCA-Press, в самом деле, оказались изданы в России в таком количестве, что ни один из граждан страны, пожелавший найти их, проблем не испытал бы. Предполагалось, что «Архипелаг ГУЛАГ» нанесёт решительный, возможно даже смертельный удар по внешне почти исчезнувшему, но реально отнюдь не погибшему сталинизму. Однако чтение этой потрясающей книги, увы, ничего не изменило. Не так уж много времени прошло с тех пор, как она оказалась доступной для россиян, и не так уж много лет прошло со дня смерти её автора, а в разных городах стали появляться скульптурные изображения Сталина, портрет его «украсил» одну из станций столичного метро... Можно ли, исходя из таких реалий, сказать, что востребованность обществом «Архипелага ГУЛАГ», а с ним и других книг, разоблачающих преступный сталинский режим, сошла на нет?

– Не могу согласиться с мнением, будто чтение «Архипелага...» ничего не изменило. Напомню, в 1989-м, когда «Новый мир» анонсировал публикацию глав из этой книги, число подписчиков превысило полтора миллиона человек! И каждый номер с «Архипелагом...» прочитали как минимум два-три человека, а в реальности, сужу об этом со знанием дела, гораздо больше! А ведь это была наиболее активная часть общества, люди читающие, мыслящие, те, кому небезразлично было не только прошлое, но и будущее страны. Именно они и определили, по сути, вектор движения России в ближайшие, переломные годы. Кстати, в следующем, 1990 году тираж «Нового мира», «разогретого» «Архипелагом ГУЛАГ», вырос до немислимых значений – до двух миллионов шестисот тридцати тысяч! Для сравнения: в 1994-м, когда судьба коммунистического строя была уже решена, тираж журнала вошёл в привычные берега – пятьдесят пять тысяч... Так что чтение «Архипелага ГУЛАГ» очень многое предопределило, на многое повлияло. На состояние умов, на настроение, на выбор путей движения страны. И, конечно, на отношение к Сталину, к массовым репрессиям. Страна стала другой, люди стали другими. И вернуть их в прошлое уже невозможно: ни страна, ни люди не станут прежними, кто бы на это ни уповал.

Другое дело, что только на борьбе со сталинизмом, на нескончаемом, превращённом в фетиш «преодолении последствий культа личности» нельзя объединить страну. Подавляющее большинство людей, отталкиваясь от прошлого, живут настоящим и строят планы на будущее. Наивно полагать, что главные их переживания и главные заботы связаны с прошлым, с преступлениями сталинского режима. Нужно не забывать, что после фазы активного разоблачения преступлений сталинизма на их глазах произошло то, о чём Александр Исаевич рассказал в книге «Россия в обвале» (1998): обрушение страны, отказ от приоритета моральных ценностей, от принципа справедливости, беспримерное по масштабам разграбление страны, попрание законов, жульническое, преступное обогащение власть имущих и иже с ними, обвал экономики, деградация медицины, образования, науки, обнищание большей части населения, отсутствие перспектив у молодёжи и т.д., и т.п.

Знаете, меня иногда поражает некоторая нечувствительность части борцов с «проклятым советским прошлым» к боли, бедам, страданиям ныне живущих: любое одобрительное высказывание о Сталине, любое оправдание совершённых в годы его правления злодеяний вызывает у них бурное негодование (и это правильно!), а вот жертвы бездарных либеральных экономических реформ или, например, положение миллионов русских, в одночасье оказавшихся не по своей воле вне родины, оставляют их почему-то безучастными. То, что часть нашей интеллигенции принимает за реальную угрозу, на деле чаще является химерическим продуктом современных информационных, политических технологий: знаете, когда избирательно выхватывается из огромного потока новостей какое-то рядовое происшествие, какой-то нетипичный случай и всё это раздувается до немислимых размеров, бесконечно повторяется, вбивается в сознание и превращается, в конце концов, в жупел. Очевидная цель таких манипуляций – «унасекомить», как выражался советский классик, главных оппонентов власти. А они «ведутся» на это: и сами страшно пугаются, и Запад пугают угрозой реставрации сталинизма. И при этом почти не замечают, не хотят замечать других, более реальных проблем и угроз, с которыми ежечасно сталкиваются жители современной России. Что и вызывает отторжение у значительной части общества.

Возвращаюсь к главному в вашем вопросе: востребованы ли современным российским обществом «Архипелаг ГУЛАГ» и другие подобные книги? Уверенно отвечаю: да, востребованы. Сужу об этом не по данным лукавых соцопросов, не по тому, что доносят СМИ. Моя уверенность основывается на многолетней преподавательской практике, на личном опыте. Этот вывод вытекает из общения со

студентами: уверяю вас, книга Солженицына по-прежнему, как и в 1990-е, не оставляет их равнодушными: они остро переживают всё то, о чём узнают из «Архипелага...», делятся своими мыслями и чувствами. На лекциях, на семинарах по творчеству Солженицына по-прежнему нет безучастных, отстранённых, равнодушных. Тем более оправдывающих массовые репрессии, бесчеловечность сталинского режима.

О том, что и у руководства России есть понимание значимости книги Солженицына в воспитании будущих граждан страны, свидетельствует тот факт, что с 2009 года по инициативе Наталии Дмитриевны Солженицыной, поддержанной тогдашним премьер-министром России, она включена в школьную программу по литературе – в качестве обязательного произведения.

– Александр Васильевич, было бы странно, если говоря о вашей научной и творческой работе, о сфере её прямых и околотражающих интересов, я ограничился бы солженицынской темой. Насколько я знаю, уделяя большое внимание писателям, жившим и работавшим в Приамурье (в частности, на страницах выходящего под вашей редакцией альманаха «Амур»), так или иначе оказавшимися связанными с этим дальневосточным краем, вы вернули землякам (а вместе с ними и другим россиянам) возможность познакомиться с творчеством совершенно забытого удивительного писателя и поэта начала XX века Фёдора Чудакова. В предисловии к книге «Чаша страданья допита до дна!..», вышедшей в свет во Владивостоке в 2016 году, называете автора «амурским Сашей Чёрным». Саша Чёрный – планка высокая!

Если можно, немного о том, как вдруг «обнаружился» для вас Фёдор Чудаков, и в чём, собственно говоря, важность его возвращения – нет, не в местную, а в большую русскую литературу?

– Если позволите, Виталий Ильич, начну с общих, принципиально важных для меня рассуждений – с объяснения того, почему более пятнадцати лет назад я занялся изучением литературной жизни Приамурья и возвращением забытых авторов. В том числе, и Чудакова.

Однажды, это было в начале двухтысячных, мне пришла такая мысль: то, что мы, русские, горделиво называем (и считаем) себя великим народом, не всегда хорошо. Поясню, что я имею в виду. Только народ, который ощущает себя великим, мог так нерачительно относиться к самому себе, так бездумно растрачивать свои силы, свои ресурсы, своё национальное достояние, жизнь собственных сограждан. В течение многих веков мы не щадили самих себя, не старались сберечь себя: мы позволяли себе втягиваться в кровавые усобицы или чужие войны, в рискованные социальные эксперименты, мы с азартом делились на радикально противостоящие друг другу лагеря – никонианцев и старообрядцев, западников и славянофилов, красных и белых, демократов и коммунистов... Дошедшая в XX веке до апогея взаимная непримиримость привела к тому, что миллионы русских оказались за пределами России, были рассеяны по всему миру. И вот теперь, в начале века нынешнего, мы вдруг увидели, что нас, оказывается, осталось не так уж много, что речь уже идёт чуть ли не о нашем выживании... Только теперь, запоздало прозревая, мы начинаем осознавать, что пора собирать то, чем мы так бездумно разбрасывались.

Но как нам, прежде разделённым, разбросанным, теперь собраться воедино, ощутить себя одним народом? Как, на какой основе вновь объединиться? Нельзя ведь объединиться вокруг того, что сейчас набирает силу – вокруг культа наживы и безудержного материального потребления. И идеологические «скрепы» не годятся – они скорее разделяют, чем связывают. Вера? Да, но в нашем государстве живут

представители разных конфессий. Да и атеистов, в том числе жгучих, хоть отбавляй. И я пришёл к тому, что основой для объединения сейчас может быть только русская культура. Только она позволит нам понять, кто же мы такие, осознать свою национальную идентичность, только она в состоянии объединить прежде непримиримых людей для решения насущных задач – национального возрождения, развития.

Русская культура вбирает в себя всё то, что нас всех (и тех, кто после 1917-го остался в России по разные стороны баррикад, и тех, кто оказался в рассеянии) объединяет: космизм, универсализм, духовный идеализм, искание Бога, поиск гармоничных форм сосуществования с природным миром, сердечная открытость, нравственная чистота. И бунтарский дух, неугасимое стремление к социальной справедливости. То есть всё то, что в своей совокупности и является *русскостью*, всё то, что наиболее ёмко сконцентрировано в русской культуре, в русской литературе.

Но культура наша, как я уже сказал, была искусственно разделена, разрублена, рассеяна. Поэтому первоочередной задачей является бережное её собирание, сохранение и осмысление. Возвращение культурных ценностей – того, что мы по недомыслию, по небрежению растеряли, разбросали, возвращает нам самих себя. «Собирание» русской культуры равнозначно «собиранию» русского народа. Без этого не могут быть решены первоочередные национальные задачи: то, что Солженицын назвал «сбережением народа» и «обустройством России».

Так созрело решение: для начала «собрать» воедино литературу одного российского региона, провести литературоведческий «аудит» и вернуть наиболее ценное из того, что было утрачено. Среди моих коллег нашлись единомышленники, и работа закипела...

Мы стали издавать литературный альманах «Амур», в котором вот уже пятнадцать лет печатаем произведения амурских авторов – в том числе и вызволенных из забвения, печатаем мемуары, рецензии, критические статьи и научные исследования по проблемам региональной литературы, уникальные архивные материалы... Чуть позже мы создали в вузе Литературно-краеведческий музей, стали проводить ежегодную научную конференцию по данной проблематике.

В результате многолетней поисковой и исследовательской работы в архивах, музеях, библиотеках страны и зарубежья, в частных коллекциях был собран, систематизирован и проанализирован колоссальный материал по истории литературной жизни Приамурья, в том числе поистине уникальный. Главный итог работы коллектива нашей кафедры – «Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков», вышедшая в 2013-м. Энциклопедия эта – издание, не имеющее аналогов в России. В ней представлены все значимые литературные (а также связанные с ними или сопутствующие им) явления: авторы, художественные произведения разных жанров, периодические издания, в которых они публиковались, коллективные сборники, книжные издательства, литературные музеи и премии, творческие организации и объединения, издатели, редакторы, литературные критики, краеведы и т.д. Работа над энциклопедией помогла отыскать и вернуть немало незаслуженно забытых авторов: Генриха Барановича, Александра Вережникова, Леонида Волкова, Александра Матюшенского...

А теперь о главном открытии. Немало лет посвятив изучению литературы Приамурья, преимущественно дореволюционного периода, работая со ставшими библиографической редкостью периодическими изданиями начала XX века, буквально по крупицам разыскивая их по всему свету, я постепенно открывал для себя ранее практически неизвестного автора – Фёдора Чудакова (1888–1918). Он ушёл из жизни, когда ему едва исполнилось тридцать, но к этому времени это уже была масштабная

творческая фигура, сравнимая с первыми сатириками Серебряного века. И «амурским Сашей Чёрным» впервые назвали его современники, а не я. А я согласился с этим. Известность Чудакова в 1910-е годы выходила далеко за пределы Амурского края, однако вскоре после трагической гибели сатирика в силу идеологических причин – абсолютного неприятия им большевистской власти и жестокого подавления ими так называемого Гамовского мятежа в Благовещенске (и самоубийства на этой почве всей семьи сатирика) – всё, что связано с его личностью и его творчеством было предано в советскую эпоху полному, абсолютному забвению.

Шаг за шагом открывая этого невероятно талантливого и разностороннего писателя (не только сатирика, блестящего фельетониста, но и одарённого лирика, прозаика, драматурга), постепенно отыскивая и печатая на страницах нашего «Амура» его произведения, я руководствовался, прежде всего, желанием поделиться радостью своего открытия с земляками: хотелось, чтобы и читатели альманаха имели возможность прикоснуться к этому чуду.

А потом появилась мысль собрать воедино все эти канувшие в Лету художественные сокровища и вернуть их в большую, общенациональную культуру. Так появилась книга, которую вы назвали. В ней шесть разделов: Сатира; Легенды и сказки; Лирика; Проза; Драматургия; Отклики на смерть Ф.И. Чудакова, воспоминания о писателе. Книга «Чаша страдания допита до дна!..» имеет объёмные комментарии, помогающие глубже понять произведения Чудакова, воссоздающие широкий литературный контекст эпохи – и амурский, и общероссийский.

Презентация книги состоялась в ноябре 2016-го в нашем университете, а потом нас буквально упростили в марте 2017-го повторить её – уже в переполненном большом зале Амурской областной библиотеки. Дело в том, что я пригласил поучаствовать в представлении книги школьников и студентов. И оказалось, не ошибся – это было нечто феерическое: более сорока исполнителей, самозабвенно читавших наизусть, инсценировавших сатирические и лирические произведения Чудакова, живая реакция, смех и слёзы вперемешку. И бурные аплодисменты, одобрительные возгласы зрителей. И тогда я окончательно убедился, что Фёдор Чудаков – не архаика, что его творчество остаётся живым, что оно не утратило своей актуальности. Да, кстати, на сайте Амурской областной научной библиотеки размещены десять видеороликов, на которых наши студенты-филологи исполняют фельетоны Чудакова. Это стоит посмотреть-послушать! В настоящее время я завершаю подготовку второй книги избранных произведений Чудакова – не менее объёмной и интересной. Помимо блестящей стихотворной сатиры, лирики, поэмы «Ахиня» (юмористическое подражание «Одиссее»), искромётной драматической сказки в стихах «Очарованный Леший», в неё войдёт много великолепных прозаических произведений. Словом, читателей ждёт множество радостных открытий, а русскую литературу – расширение её границ.

– Осенью нынешнего 2017 года вы стали лауреатом премии им. Леонида Завальнюка, замечательного поэта, который жил в Москве, но был всю жизнь связан с Благовещенском. Что стоит для вас за этой премией?

– Так как премия была присуждена за подготовку книги Чудакова, я рад тому, что благодаря этому событию ещё больше людей узнают об этом авторе, может быть, найдут и прочитают его произведения (забыл упомянуть, что на сайте АОНБ – на страничке, посвящённой премии имени Завальнюка, помимо видеороликов, размещён большой фрагмент книги Чудакова в электронном формате – раздел «Сатира» вместе с комментариями).

Что касается Леонида Завальнюка, ушедшего из жизни несколько лет назад, то я очень высоко ценю его творчество, считаю его одним из крупнейших поэтов современности. К сожалению, пока он недооценён. Надеюсь, это поправимо. К слову, в Благовещенске осуществляется грандиозный проект «Леонид Завальнюк: Возвращение», в котором принимает самое деятельное участие наш вуз, наша кафедра: проводятся литературные мероприятия, ставятся спектакли, записываются радио- и телепередачи, издаются книги, ведётся работа с его архивами, начата подготовка полного собрания сочинений, установлена (на здании нашего университета, где он обычно встречался со своими читателями, в течение тридцати лет ежегодно на несколько месяцев приезжая в Благовещенск) мемориальная доска, планируется установка памятника...

– Не только во Франции, но и в самой России, увы, не так много известно о состоянии литературы и культурной жизни Приамурья. Я вот, к примеру, не знал совсем недавно ничего о том же Фёдоре Чудакове... Перечитав же, опять-таки недавно, «Амурские сказки» Дмитрия Нагишкина, получил невероятную радость от языка, от выведенных под его пером образов людей этого края... Как вы, живя вблизи Амура, расцениваете местные творческие очаги, подразумевая под этим, конечно, отнюдь не только Благовещенск...

– И вновь начну издалека, с утверждения, которое многим, наверное, покажется крамольным, зато объясняющим, почему мы так мало знаем собственную культуру: сложившаяся на сегодняшний день история русской литературы, представленная в вузовских и школьных учебниках, в программах учебных дисциплин, иллюстрируемая в хрестоматиях, подкрепляемая информационной и издательской политикой, по большому счёту, не отражает подлинного содержания историко-литературного процесса последнего столетия, не отражает всего богатства и многообразия литературных явлений. Об этом я могу судить уже по одному тому, что, например, писатели обширного дальневосточного региона (тот же Нагишкин, например) практически не представлены в ней. И это касается подавляющего большинства российских регионов, также обделённых вниманием историков литературы. И вовсе не потому, что там нет литературных явлений, сравнимых с теми, которые у всех на слуху. Позиция ведущих литературоведов и критиков советского да и постсоветского периодов, крупнейших научных центров основывается на следующем постулате: к сфере собственно истории русской литературы относятся те явления, которые находятся в центре культурного и медийного пространства, то есть преимущественно в столицах, всё же остальное, располагающееся вне центра (и чем дальше от него – тем в большей степени), воспринимается как провинциальное по своей сути (в худшем смысле этого слова), а значит неполноценное. И потому явления эти относят не к сфере собственно истории русской литературы, а к литературному краеведению (по современному – к регионалистике).

Эта тенденция имеет не только научную подоплёку, опирающуюся исключительно на эстетические критерии, но и национально-государственную, социально-политическую, идеологическую, образовательную, воспитательную, а в последнее время – и коммерческую. Тенденция эта как нельзя лучше соответствует принципам устройства и функционирования государства имперского типа – в разных его модификациях. В жёстко централизованном культурном пространстве такого государства на роль первостепенного может претендовать лишь то, что находится в центре и центром же оценивается и сакрализуется. И, напротив, всё, что может поставить под сомнение право центра на оценочную монополию, не замечается,

замалчивается или же принижается. Иначе говоря, эстетическая ценность культурных явлений определяется центром, который исходит из государственных, а на деле нередко своих собственных эгоистических интересов. Едва ли не единственное исключение из правил – поддержка центром периферийных явлений, которые призваны иллюстрировать «культурный расцвет наций», «дружбу народов». Однако если оглянуться на советское прошлое, так называемая «история русской советской многонациональной литературы» была скорее фикцией, чем реальностью. То, что относилось к сфере «советской многонациональной литературы», «литературы братских народов СССР», изучалось факультативно, причём как механическая совокупность разнородных, почти не связанных явлений. А наиболее значительные авторы братских республик (Быков, Айтматов) рассматривались в парадигме собственно «русской советской литературы».

С авторами из русских областей и краёв РСФСР ситуация была ещё плачевней. Так, даже Шолохов на рубеже 1920–1930-х многими (в том числе Горьким) воспринимался как писатель сугубо областнический. Или вспомним, как уже на границе 1960–1970-х тщетно пытался пробиться со своими «провинциальными» пьесами в центральные театры, получить признание столичных критиков иркутянин А. Вампилов.

Вампилов немного не дожил до того времени, когда «история русской советской литературы» дала трещины: когда в число писателей первого ряда стремительно выдвинулись, оттеснив некоторых столичных «литературных генералов», талантливые авторы из российских регионов: Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин... Эпоха перестройки и рыночных реформ существенно деформировала официальную историю литературы XX века, но отношение к литературным явлениям, рождённым в регионах, это не изменило. «Советское» в истории русской литературы было потеснено тем, что являлось или казалось «антисоветским». В выигрыше оказались и те столичные культурные явления, которые в советскую эпоху считались маргинальными: ОБЭРИУ, например. Получила, наконец, право на существование в престижном культурном контексте литература эмиграции. А вот писатели из российской глубинки как были, так и остались в положении бедных родственников, место которых – своеобразная культурная «прихожая».

Изучением литературы регионов занимались и по-прежнему занимаются «краеведы»: по преимуществу «чудики», бескорыстные и скромные подвижники. Они есть едва ли не в каждом населённом пункте – люди, которые бережно хранят память о прошлом, по крупицам восстанавливают историю родного села, города, края, пытаются сберечь культурное наследие прошлых эпох. Этому можно было бы порадоваться, но беда в том, что краеведение долгое время находилось на задворках или даже вне науки, воспринималось (в какой-то степени заслуженно) как кустарщина, как что-то наподобие колхозной самодеятельности – самобытно, забавно, но к настоящей науке отношения не имеет.

Нужно признать: такое положение устраивало и устраивает многих. Та модель культуры, которая у нас сложилась, имеет массу сторонников: это законодатели литературной моды – столичные критики, журналы и издательства, авторы учебников, составители образовательных стандартов и программ и т.д. Сложившиеся стереотипы прочно въелись в наше сознание. Сказывается и тяга к унификации, упрощению. Да, наверное, так легче усваивать русскую литературу: картина хоть и содержательно небогатая, но легко запоминающаяся, набор имён и произведений сравнительно невелик, зато школьники и студенты меньше путаются. Проще историкам литературы и критикам, проще и без того замордованным бесконечными «реформами» учителям словесникам.

Поэтому и не удивляет, что даже люди сведущие, начитанные, с широким культурным кругозором, в том числе имеющие непосредственное отношение к преподаванию литературы, почти не знают ярких авторов, живших, живущих в российских регионах. Свои, условно говоря, Нагишкины, Чудаковы, уверен, есть практически в каждой области, в каждом крае, но их известность редко когда выходит за пределы региона.

Преодолеть эту инерцию и эту тенденцию невероятно сложно, если вообще возможно. Тем не менее, именно эту сферу научной, научно-просветительской, популяризаторской, книгоиздательской деятельности я считаю сейчас наиболее важной. И стараюсь убедить коллег – филологов Дальнего Востока сделать это направление своим приоритетом. И тогда и вы, и многие другие сравнительно скоро убедятся, что культурная, литературная жизнь этого гигантского края заслуживает интереса самого широкого круга читателей, и не только дальневосточных. Работа в этом направлении ведётся. Достаточно сказать, что издательство «Рубеж» (Владивосток) выступило инициатором (и уже выпустило первый том: «Проза Приморского края») 12-томной «Антологии литературы Дальнего Востока». Она строится по региональному принципу: лучшие прозаические произведения писателей каждого из девяти регионов Дальнего Востока будут представлены в ней одним томом. Отдельным томом – национальный эпос края. Дальневосточная поэзия также объединена в одном томе. Кроме того, отдельным томом будет издана литература дальневосточной эмиграции. В каждом из 12 томов, помимо произведений, есть вступительная статья, а также библиографические сведения о писателях и их фотографии.

Том «Проза Амурской области», кстати, подготовил я. Надеюсь, в ближайшем будущем он, как и вся Антология, увидит свет.

Октябрь-ноябрь 2017 г.